

18+

Валя Винтер

Атман: танец двух зеркал

Валя Винтер

Атман: танец двух зеркал

«Издательские решения»

Винтер В.

Атман: танец двух зеркал / В. Винтер — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ви Падма — популярная писательница, привыкшая заглядывать в самые темные уголки человеческой души на страницах своих книг. Но когда она приходит в себя в незнакомой комнате с атласной лентой на запястье и понимает, что ее похититель — Кейн Варп, обаятельный психопат, цитирующий древние индуистские тексты, реальность оказывается страшнее любого романа. Книга содержит нецензурную брань.

© Винтер В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лотос	6
Глава 2. Прицел	13
Глава 3. Лотос	17
Глава 4. Прицел	22
Глава 5. Лотос	27
Глава 6. Прицел	31
Глава 7. Лотос	36
Глава 8. Прицел	40
Глава 9. Лотос	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Атман: танец двух зеркал

Валя Винтер

© Валя Винтер, 2026

ISBN 978-5-0070-6961-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (что вы найдете в этой книге):

- Похищение среди бела дня с подсыпанием запрещенных веществ в кофе
- Наручники? Нет, вы что. Атласная ленточка с БАНТИКОМ.
- Герой, который цитирует древние индуистские тексты, пока вы привязаны к кровати.
- За вибратор с пультом дистанционного управления извините.
- Мастурбация перед камерой видеонаблюдения с прямой трансляцией на компьютер.
- Случайное (и не очень случайное) чтение чужих личных дневников.
- Упоминания о жестоком обращении с детьми и родителях-алкоголиках (в рамках сюжета).
- Попытка суицида в прошлом и рецидив самоповреждения в настоящем.
- Психиатрическая больница, где дают таблетки и запрещают мобильные телефоны. Зато разрешают свидания с девушкой, которую вы похитили.
- Диагноз «биполярное расстройство».
- Смерть родителей (за пределами сюжета)

Глава 1. Лотос

Сознание возвращается кусками — рваными, липкими, как пожеванная бумага. Сначала вокруг меня плотная темнота. Просто темнота — никаких образов, никаких мыслей. Только ощущение, что ты где-то есть, но где — непонятно. Потом — тело. Оно напоминает о себе медленно, будто проверяет: а стоит ли вообще включаться?

Голова раскалывается. Это не мигрень, и не привычное похмелье, а явно что-то другое. Тяжелое, глухое, будто череп набили мокрым песком. Онемевший язык прилип к небу. Во рту — привкус металла и еще чего-то сладковато-химического, отчего желудок совершает судорожную попытку подняться по пищеводу. Я подавляю этот позыв.

Я не сразу открываю глаза. Инстинкт — старый, выученный еще в те годы, когда я просыпалась в чужих квартирах после ночных смен в клубе — приказывает: сначала оцени ситуацию. Где ты? Безопасно ли? Можно ли дышать?

Дышать можно. Воздух странный — сухой, с примесью чего-то древесного. Какая-то химия? Нет. Просто дерево. Старый дом?

Я лежу на чем-то мягком. Слишком мягком. Моя кровать дома — жесткий матрас, почти аскетичный ортопедический минимум. Это другое. Перина? Какая глупость. Кто сейчас спит на перинах?

Руки. Где мои руки?

Левая — вдоль тела. Чувствую прохладу у плеча — значит, одеяло натянуто только наполовину. Правая... не двигается, вытянута куда-то вверх. Не больно, но не пошевелиться. На запястье ощущается ткань. Что-то вроде бинта? Нет, точно не бинт — слишком гладкая текстура.

Вот теперь можно открывать глаза.

Свет бьет по зрачкам. Я щурюсь, но заставляю себя смотреть.

Первое, что я вижу — побеленный потолок и на нем потолочную лампу с абажуром. Не люминесцентная, не холодная — теплый желтоватый свет. Уютная. Твою мать, почему здесь уютно?

Я дергаю правую руку. Запястье зафиксировано чем-то нежным — шелк? Привязано к... к чему? К кровати. К деревянной спинке кровати. Намертво.

Левая рука свободна, и это хреново, потому что моя правая рука — ведущая.

Опускаю глаза вниз. Я одета. Одежда своя: вижу футболку, ниже чувствуется плотная ткань джинсов. На месте даже носки — резинка сдавила щиколотки. Это почему-то важнее всего остального — что меня не раздевали. Что моя кожа под одеждой — только моя.

Осматриваюсь.

Комната выглядит своеобразно. Стены обшиты деревом — светлым, аккуратным, без щелей. Пол — ламинат под паркет. Под потолком — балки, тоже деревянные, с вырезанными на них цветами. Что это за цветы? Напоминает... лотосы? На стенах развешаны полки с книгами — очень много книг, точно, как у меня дома.

Напротив кровати — письменный стол. Массивный, старый, но ухоженный. На столе — ноутбук. Мой ноутбук?! Это точно он — все наклейки на нем я отлично помню. Рядом стопка бумаги, карандаши, стакан с водой.

В углу — дверь. Белая, с блестящей ручкой. И еще одна в паре метров, но без ручки с этой стороны. Почему она без ручки?

Между дверями — стеллаж. На нижних полках — какая-то одежда. Сложена стопками, висит на плечиках. И... я узнаю эту кофту. И эти джинсы. И...
— Какого хера?

Мой голос хриплый, чужой. Я сама не узнаю его.

Дергаю правую руку сильнее. Шелк врезается в кожу, но не больно — слишком мягкий. Странно, что это не наручники и не цепь, а лента — широкая белая лента, завязанная бантом. Бантом, мать его.

Я неловко двигаюсь, разминая затекшее непослушное тело и кое-как сажусь. Левая рука хватается за край кровати, потому что голова идет кругом. Тошнота подкатывает к горлу, но я давлю ее — старый навык, когда рвоты полный рот, а улыбаться надо так, будто тебе только что сделали предложение.

Взгляд цепляется за детали.

У книг, аккуратно расставленных на полках, знакомые корешки. «120 дней Содома» — мое издание, потрепанное и бугристое, потому что я читала его в ванной и уронила. «Жизнь и смерть сестры К.» Витткоп — с закладкой, торчащей в середине, я как раз перечитывала в то утро до... в какое утро? До чего?

Когда это было?

Я зажмуриваюсь, пытаюсь вспомнить последнее, что со мной произошло до попадания сюда.

Помню... маленькое кафе у набережной, куда я хожу, когда нужно дописать особенно сложные главы. В последний раз я как раз сидела там с ноутбуком, пила кофе... Нет. Кофе я уже допила и выходила. Снаружи накрапывал канадский дождь — мелкий и противный. Я натянула капюшон, хотела поймать такси, но...

— Ви?

Голос. Мужской. Приятный. Знакомый.

Я обернулась.

Он стоял возле машины — темный седан, дорогой, но не новый — и улыбался. Темно-русые волосы до плеч, мокрые и чуть завившиеся от дождя. Ямочки на щеках. И теплый, смеющийся взгляд.

— Кейн? — кажется, я даже улыбнулась в ответ. — Ты здесь откуда?

— Заезжал за кофе, увидел тебя. Давай подвезу, пока ты не промокла до нитки.

И я села. Я села в машину к мужику, которого видела... сколько? Два раза в жизни? На поэтическом вечере лет семь назад? На презентации какого-то сборника? Он был знакомым лицом, приятным и безопасным. Тогда, в юности, он писал стихи о зависимостях, кажется. Или о депрессии. В общем, что-то мрачное, как все мы тогда.

Мы разговорились, Кейн спросил о книгах. Я ответила — коротко, потому что не очень-то люблю говорить о работе с теми, кто не в теме. Он понимающе кивнул. Сказал, что читал мои последние рассказы. Что ему понравилось, и что я выросла как автор. О, ну конечно, мне это польстило.

Потому он протянул мне стакан с кофе — сказал, купил сразу два, потому что любит капучино до смерти. Я выпила и почувствовала горьковатый привкус, но подумала — может, сорт такой. А дальше — темнота.

— Охренеть.

Я говорю это вслух. Звук падает в тишину комнаты и глхнет, будто стены забиты поролоном.

Он похитил меня. Кейн, милый поэт с ямочками на щеках, похитил меня и запер черт знает где. И это «черт знает где» забито моими книгами, моей одеждой, и тут даже мой ноут.

Я понимаю, что это не спонтанный поступок, а план, и меня мутит с новой силой.

Неожиданно я слышу тяжелые, спокойные шаги где-то совсем рядом. Потом — дверь без ручки открывается.

Он входит.

Кейн высокий, так что кажется, будто он заполняет собой весь проем. Русые волосы чуть влажные, как тогда, под дождем, — будто он только что мылся или, наоборот, пришел с улицы. Легкие волны, спадающие на плечи. Короткая щетина с сединой серебрится в теплом свете лампы. Глаза светлые — серо-зеленые, с золотистыми крапинками, если присмотреться. Сейчас они смотрят на меня с выражением, которое я не могу прочесть сразу: смесь нежности, любопытства и чего-то еще... собственности? Да. Собственности.

Он одет просто — темная футболка, джинсы. На правой руке, на кисти, я замечаю маленькую татуировку — прицел или мишень.

Он улыбается. Ямочки на щеках появляются сразу, делая лицо почти детским. У глаз собираются морщинки.

— Атман, — говорит он. Голос мягкий, глубокий, с интонацией, с которой произносят что-то священное. — Ты проснулась.

Я молчу и смотрю на него. Он стоит у двери, не приближается, и это почему-то страшнее, чем если бы он сразу подошел. Дистанция — рассчитанная. Он знает, что делает.

— Как голова? — спрашивает он. — Я старался подобрать дозировку аккуратно, но организмы у всех разные. Может быть легкая тошнота. Это пройдет.

— Ты... — голос срывается. Я прокашливаюсь, собираю остатки самообладания в кулак. Левая рука сжимает одеяло. — Ты ебнулся?

Он улыбается шире. Кивает, будто я сделала ему комплимент.

— Да. Наверное. Для кого-то — точно да. В этом мире все относительно.

— Отпусти меня.

Слова звучат плоско. Я знаю, что это бесполезно, но рот говорит сам, на автомате. Торг — первая стадия. Я проходила это в терапии. Торг, гнев, депрессия, принятие. Только там речь шла о травме потери, а здесь — о клетке с ремонтом в стиле «деревенский шик».

— Нет, — спокойно отвечает он. — Не отпущу. Извини.

— Извини? — я давлюсь истеричным смешком. — Ты похитил меня, привязал к кровати, накачал хер знает, чем и говоришь «извини»?

— Я говорю это искренне, — он делает шаг вперед. Один шаг. — Мне жаль, что пришлось использовать химию. Но атман познается только в безмолвии мира. Я создал это пространство, чтобы ты могла подумать.

— О чем, блин, подумать? — я дергаю правую руку, демонстрируя ленту. — Какой еще «атман»? Это похищение, придурак! Ты украл меня среди бела дня, накачал наркотой и притащил... куда? В подвал?

— Это не подвал, — мягко поправляет он, игнорируя остальные мои слова. — Это твое пространство. Здесь есть все, что тебе нужно. Твои книги. Твой компьютер — интернета нет, извини, но и без него ты можешь писать. Я принес твою одежду, косметику, средства гигиены. Ванная — за той дверью. — Он кивает на белую дверь в углу. — Нормальная, с горячей водой. Унитаз, раковина. Полотенца мягкие.

Я смотрю на него и не могу поверить в происходящее. Он говорит все это так, будто сдает мне квартиру. Будто я здесь по своей воле выбрала экзотический вайб «отшельничество в стиле хоррор».

— Зачем? — спрашиваю я. Голос на удивление ровный, хотя я все еще ни черта не понимаю.

Он смотрит на меня долго, изучающе. Потом подходит, садится на корточки рядом с кроватью — так, что его лицо оказывается на уровне моего. Близко. Слишком близко. Я чувствую запах — чистый, мыльный, с ноткой дерева или сандала. Он пахнет прилично. Ну разумеется.

— Затем, что ты моя, — говорит он просто. — Ты всегда была моей, просто не знала этого. А я знал. Я читал каждую твою строчку, разглядывал каждое фото, слушал каждое интервью. Я знаю тебя лучше, чем ты сама.

— Офигеть, — выдыхаю я. — Ты реально псих. Клинический.

— Я Кейн, — он улыбается, и в этой улыбке нет обиды. Только терпение — безграничное, жуткое терпение. — И ты — мой атман. Моя высшая суть. Моя душа, которую я искал в сотнях воплощений.

— Атман? — я кривлю губы. — Ты сейчас цитируешь индуизм, чтобы оправдать похищение человека?

— Я не оправдываю, — качает головой. — Я объясняю. Ты — писательница. Ты должна понимать ценность слов. Атман — это не просто слово. Это — истинное Я. То, что не рождается и не умирает. То, что есть за пределами тела, имени, социальной роли. Ты носишь это в себе, даже не зная. Твоя фамилия — Падма — означает «лотос». Чистота среди грязи. Ты — моя чистота.

— Меня зовут Ви, — говорю я четко. — Ви Падма. Я не «атман», и не «лотос». И я хочу домой.

— Дом здесь, — он кивает куда-то в сторону. — Внешний мир — лишь иллюзия, которая крадет нашу подлинность. Со временем ты поймешь.

Он поднимается. Идет к столу, берет стакан с водой, возвращается. Протягивает мне.
— Пей. Это просто вода.

Левая рука сжимается в кулак. Я не беру стакан.

— Развяжи правую.

— Нет.

— Тогда иди на хер со своей водой.

Он усмехается. Ставит стакан на тумбочку рядом с кроватью.

— Упрямая. Я знал. Это я в тебе и полюбил.

— Ты меня не любишь, — слова вылетают раньше, чем я успеваю их остановить. — Ты любишь картинку. Идею обо мне. То, что сам себе придумал. Ты просто чокнутый фанат.

Он замирает. Смотрит на меня внимательно. Потом наклоняет голову — жест почти нежный.

— Посмотрим, — говорит он. — У нас много времени.

Разворачивается и идет к лестнице.

— Эй! — окликаю я. — Вернись! Развяжи меня, придурок!

Он оборачивается на пороге. В глазах — тепло, снисхождение и что-то похожее на... обожание? От этого взгляда внутри все сжимается сильнее, чем от любой угрозы.

— Я приду позже, — обещает он. — Принесу поесть. Что ты любишь? А, я знаю. Пасту с грибами и чай со льдом. Ты писала про это в блоге.

Я молчу и просто смотрю на него, а он улыбается — и эта улыбка с ямочками и морщинами у глаз кажется самым страшным, что я видела в жизни.

— Отдыхай, атман, — говорит он. — Ты в безопасности.

Дверь закрывается. Щелчок замка — громкий, окончательный.

Я сижу на кровати, привязанная за руку атласной лентой, и смотрю на дверь.

В безопасности. Он сказал, что я в безопасности.

Я еще раз оглядываю комнату. Мои книги на полках — я вижу и «Повелителя мух» Голдинга, и «Осиную фабрику» Бэнкса, и Стокоу с его «Свиньями-убийцами». Вся трансгрессивная классика, которую я собирала годами, стоит здесь, аккуратно расставленная по алфавиту.

На столе — стопка бумаги с моими собственными заметками на полях — мелкий, кривой почерк. Он принес даже это. В стеллаже — моя любимая толстовка, но аккуратно отглаженная, без единой складки. Висит на вешалке так, будто она на витрине магазина. Это похоже даже не на похищение, а на... коллекционирование? Черт возьми. Я — экспонат.

Смех поднимается изнутри неожиданно — нервный, истерический, с хрипотцой. Я смеюсь вслух, глядя на атласную ленту на запястье. Бантик. Сука, он завязал бантик.

Я дергаю руку — сильно, с отчаянием. Лента врезается, но не рвется. Шелк — дрянь скользкая, узел держит.

— Твою мать, — выдыхаю я.

В голове — каша. Страх — где-то глубоко, настолько, что я пока даже не ощущаю его, потому что все слишком неправдоподобно. Слишком... стильно.

В книгах, которых я написала за последние десять лет целую кучу, героини в такой ситуации уже нашли бы способ освободиться, ударить похитителя по голове тяжелым предметом и бежать. Но у меня нет тяжелого предмета. Есть только шелковый бантик.

Я тупо уставляюсь на свои книги. Де Сад ухмыляется корешком: «Философия в будуаре». Иронично, мать его. Мысли скачут.

Кейн. Я вспоминаю его обрывками — моложе, с того поэтического вечера семилетней давности. Он читал стихи о том, как передознул и едва не утонул в кружке с водой. Метафоры о зависимостях, что-то о матери, о пустоте внутри. Я слушала тогда вполуха — своих проблем

хватало. Но запомнила его глаза — серо-зеленые, с золотом. И то, как он посмотрел на меня после выступления — слишком долго, слишком пристально. Я тогда подумала: «Еще один творческий чудик, влюбился в первую попавшуюся девицу с декольте». Но отмахнулась.

Семь лет.

Семь лет он следил? Собирает информацию? Читал мой блог, покупал книги, продумывал этот подвал?

— Так, — говорю я вслух. Голос звучит сипло, но я заставляю его быть ровным. — Давай по порядку.

Я — Ви. Мне двадцать восемь лет. Я писательница. Давно разведена и живу одна. Один раз я лежала в психушке. Сейчас — привязана к кровати в подвале психопата.

— Класс, — резюмирую я. — Просто пиздец какой класс.

Левая рука тянется к стакану с водой. Я пью — жадно, давясь, потому что во рту действительно сухо, как в пустыне. Вода чистая, без привкуса. Похоже, он не врет — это просто вода.

Ставлю стакан обратно. Смотрю на дверь.

И только теперь мне становится страшно. По-настоящему, до холодного пота под футболкой, до дрожи в коленях. Но внутри, где-то на самом дне этого липкого ужаса, ворочается что-то еще.

Любопытство. Чертово писательское любопытство.

Потому что этот долбанутый мужик — реален. Он существует. Не как персонаж трукрайма, не типаж из моих книг. Он — живой, в обычной одежде, и с цитатами из Упанишад, который спер женщину на глазах у кучи прохожих и обустроил ей подвал люкс-класса.

Что у него в голове? Как он дошел до такой жизни? Почему я?

Я мотаю головой, отгоняя эти мысли.

Нет. Не смей. Не смей его анализировать, не смей превращать преступника в материал. Это — защитный механизм. Ты так всегда делаешь — когда страшно, включаешь режим «исследователь». Превращаешь ужас в текст, боль — в метафору. Но это не текст, а реальность. Твоя жизнь. Твое тело, привязанное к ультрамягкой кровати.

Я смотрю на свою правую руку. Пальцы чуть отеки от неудобного положения, но кожа под лентой не стерта — обхват точный. Он даже об этом подумал.

— Гребаный перфекционист, — шепчу я, и пробую ослабить узел левой рукой — бесполезно. Пальцы скользят по шелку, узел затянут хитро, профессионально.

Устав, я откидываюсь на подушку и смотрю в потолок.

— Атман, — бормочу я. — Падма. Лотос. Очень остроумно, придурок.

Глава 2. Прицел

Она спит.

Я стою над кроватью и смотрю, как вздымается и опускается ее грудь. Ровно. Глубоко. Снотворное сделало свое дело — дозировка была рассчитана идеально. Ни много, ни мало — ровно столько, чтобы она проспала достаточно долго, но без вреда для организма.

Я не хочу ей навредить. Я хочу ей дать.

Утро началось рано. Я не спал — я вообще мало сплю в последнее время, но это хорошо — есть куча времени на планирование, поэтому я раз за разом проверял списки, в сотый раз прокручивал в голове каждый шаг.

Подвал готов. Я переделывал его полгода — своими руками. Дерево выбирал сам — светлое, теплое, чтобы создавало ощущение уюта, а не тюрьмы. Ламинат — с подогревом, потому что на севере Канады всегда холодно, особенно в подвалах, а она у меня мерзлявая. Я знаю — видел, как она кутается в пальто даже в мае.

Книги. Я собирал новые годами — все, что она упоминала в интервью, блогах, постах. Де Сад — потому что она говорила, что он «честен про природу человека». Витткоп — потому что она писала эссе о трансгрессии в женской прозе. Стокоу, Бэнкс, Голдинг — все, что она называла «терапией тьмой». Но после оставил их себе, а для нее привез ее собственные — действовать пришлось быстро, замок в ее квартире заедал, и нельзя было наделать шума.

Я расставил их по алфавиту. Не потому, что я педант. Потому что она — писательница. Она должна видеть порядок. Должен чувствовать, что здесь все продумано. Для нее.

Я подъехал к кафе за час до того, как она вышла. Знал, что она там — трекер на телефоне работал безупречно. Я установил его полгода назад, когда она оставила телефон на столике в книжном, а я был рядом. Достаточно было секунды. Она достаточно рассеянная, чтобы ничего не заметить, и это в ней тоже хорошо.

Она не знала, и не узнает никогда. Хотя, может быть, когда-то я все же расскажу ей об этом, и мы вместе будем рассказывать эту забавную историю нашим детям.

Шел дождь. Я очень люблю дождь. Он смывает лишнее, оставляя только главное. Она вышла, натянула капюшон, и я увидел, как она замерла на мгновение — оценивая расстояние до такси, до козырька, до любой возможности не промокнуть.

Идеальный момент.

Я вышел из машины, нервно сглотнув. Улыбнулся, демонстрируя ямочки на щеках — я знаю, что они обезоруживают. Мать ненавидела мои ямочки. Говорила, что это дьявольская отметина. А женичины, с которыми я пытался быть, говорили, что они милые. Ви пока ничего не говорит о них. Но обязательно скажет, я точно этого добьюсь.

— Ви? — окликнул я. Голос ровный, спокойный, дружелюбный и безопасный.

Она обернулась. В глазах — узнавание. Сначала растерянное, потом... радость? Удивление? Она не испугалась. Это главное.

— Кейн? Ты здесь откуда?

— Заезжал за кофе, увидел тебя. Давай подвезу, пока ты не промокла до нитки.

Она согласилась и села в машину к парню, которого видела пару раз в далеком прошлом. Это точно знак свыше, я уверен. Карма на моей стороне.

В машине пахло моим одеколоном — сандал, дерево, чуть сладковатый запах, схожий с ее парфюмом. Я специально выбирал его. Нечто приятное и привычное, не вызывающее тревоги.

Она говорила о книгах. Я слушал. Кивал. Спрашивал — ровно столько, чтобы поддержать разговор, но не вызвать подозрений. Она расслабилась. Даже улыбнулась пару раз.

Кофе. Я купил два стакана в кафе через дорогу, пока ждал. В ее — снотворное. Растворил заранее, в пакетике, который держал в кармане. Никакого вкуса и запаха быть не должно.

Она пила. Я смотрел, как двигается ее кадык, когда она глотает. Безумно красиво. Все в ней красиво. Я еле удержал себя в руках, чтобы не припасть губами к ее коже на шее.

Через десять минут ее глаза начали слипаться.

— Что-то я... — пробормотала она. — Не выспалась, наверное...

— Отдохни, — сказал я мягко. — Я довезу.

Она откинулась на сиденье и отключилась.

Я вез ее сорок минут. Не спеша, соблюдая правила, ведь последнее, что мне было нужно, — это остановка полицией.

Она спала, прислонившись головой к стеклу. Рыжие волосы упали на лицо. Веснушки, разбежавшиеся на коже, манили — я хотел коснуться их, провести пальцем, как по созвездиям, но нельзя. Потом. Все потом.

Дома я вытащил ее из машины — она оказалась очень легкая, — и отнес в подвал. Уложил на кровать, сняв только обувь. Остальное пусть будет, как есть. Она не должна проснуться в чужой одежде или, боже упаси, раздетой. Это слишком.

Правую руку привязал атласной лентой — мягкой, широкой, не оставляющей следов. Подумав, завязал бантик. Она увидит бантик и поймет, что я не хочу причинять боль. Что я не монстр.

Мать считала меня монстром. Она сказала это в тот вечер, когда попыталась убить меня. Я был маленьким, и не понимал, за что. Уже потом я узнал причину, но теперь это не важно.

Ви спит уже шесть часов. Я привез ее вещи, разложил их на места и теперь сижу на стуле рядом и смотрю. Изучаю, как впервые.

Вблизи она еще интереснее, чем на фотографиях. Рот — чуть приоткрыт, губы сухие. Я схожу с ума от желания провести по ним языком, но держусь. Брови изогнуты домиком — даже во сне это придает лицу выражение вечной иронии.

Она шевелится во сне. Хмурится. Может, видит кошмар? Я невероятно хочу коснуться ее лба, разгладить морщинку между бровями большим пальцем, но останавливаю себя. Рано.

Она проснется — и испугается. Это неизбежно. Я готов к этому. К крикам, к слезам, к ненависти в глазах. Это пройдет. Она поймет. Я сделаю так, чтобы поняла.

Главное — первые минуты. Первые слова. Я подготовил их давно, повторял как мантру: «Атман». Она — мой атман. Моя истинная сущность.

Она просыпается, и я выскальзываю за дверь, чтобы сначала она могла побыть одна. Совсем чуть-чуть.

Выжидаю пару минут, немного топаю, имитируя шаги, а после открываю дверь и вхожу.

Она сидит на кровати, оглядывая свой новый дом, и тут же переводит глаза на меня. В них — страх. Однако, я замечаю, что она глушит его, рассматривая меня, и тут же понимаю, как работает ее мозг: анализ, классификация, выводы. Умная, моя девочка.

Она не кричит. Это хорошо.

— Атман, — говорю я ласково, пытаюсь выровнять сбившееся от радости дыхание. — Ты проснулась.

Она смотрит на меня. Взгляд — острый, прямой, презрительный. Именно такой, как я представлял. Лед и сталь. И где-то глубоко — уязвимость, которую она прячет за этим презрением, которую я непременно раскопаю.

— Как голова? — спрашиваю. — Я старался подобрать дозировку аккуратно, но организмы у всех разные. Может быть легкая тошнота. Это пройдет.

— Ты... — ее голос срывается. — Ты ебнулся?

Я улыбаюсь и киваю. Это не оскорбление, ведь с ее точки зрения она права. Хотя, и с моей тоже. Ви всегда права.

— Да. Наверное. Для кого-то — точно да. В этом мире все относительно.

— Отпусти меня.

— Нет. Не отпущу. Извини.

— Извини? Ты похитил меня, привязал к кровати, накачал хер знает чем и говоришь «извини»?

Я терпеливо объясняю, ведь я стоик, а он не бежит от судьбы — он обнимает ее, и наша судьба — быть вместе. Она не верит. И не должна. Пока что.

— Зачем?

Этот вопрос она задает, когда я рассказываю о ванной. Голос ровный — слишком ровный. Она берет себя в руки быстрее, чем я ожидал. Это впечатляет.

Я сажусь на корточки рядом с кроватью. Близко, чтобы видела глаза и чувствовала мое дыхание.

— Затем, что ты моя. Ты всегда была моей, просто не знала этого. А я знал. Я читал каждую твою строчку, разглядывал каждое фото, слушал каждое интервью. Я знаю тебя лучше, чем ты сама.

— Офигеть. Ты реально псих. Клинический.

— Я Кейн. И ты — мой атман. Моя высшая суть. Моя душа, которую я искал в сотнях воплощений.

Она кривит губы. Спрашивает про индуизм. Я объясняю. Атман — это истинное Я. То, что не рождается и не умирает. То, что есть за пределами тела, имени, социальной роли. Она носит это в себе, даже не зная. Падма — лотос. Чистота среди грязи. Она — моя чистота.

— Меня зовут Ви. Ви Падма. Я не «атман», и не «лотос». И я хочу домой.

— Дом здесь. Внешний мир — лишь иллюзия, которая крадет нашу подлинность. Со временем ты поймешь.

Я даю ей воду. Она не берет. Гордая.

Потом я уйду. Оставляю ее одну — переваривать. Думать. Привыкать. Наверху я сажусь на пол у двери в подвал и закрываю глаза.

Сердце колотится от возбуждения. Она здесь. Наконец-то здесь. Всего лишь семь лет ожидания — и вот она, в пяти метрах подо мной, дышит, думает, злится. Просто восхитительно.

Мать говорила мне: «Ты не умеешь любить. Ты умеешь только брать. Как тот, кто тебя сделал». Я долго верил ей. Но потом понял: она ошибалась. Я умею любить. Просто моя любовь — другой формы. Не та, которую показывают в кино, не та, о которой пишут в романах для домохозяек. Моя любовь — это когда нет границ. Когда другой человек становится частью тебя настолько, что уже не отделить. Когда его боль — твоя боль. Его радость — твоя радость. Его существование — твое существование. Буддисты называют это растворением эго. Далай-лама говорит о сострадании, которое стирает границы между людьми. Он прав, и Ви тоже это поймет. Я покажу ей.

Глава 3. Лотос

Я не знаю, сколько прошло времени до момента, когда дверь открылась.

Кейн входит с подносом — на нем дымит тарелка, пахнет пастой. Чай в высоком запотевшем стакане, на краю — долька лимона, внутри позвякивает лед. Все именно так, как я люблю.

— Еда, — объявляет он и ставит поднос на тумбочку. — Проголодалась?

Я молчу.

Он садится на корточки рядом. Смотрит на меня, потом на мою привязанную руку.

— Если я развяжу тебя, ты будешь вести себя спокойно?

— Если ты меня развяжешь, я попытаюсь тебя убить, — отвечаю я ровно.

Он смеется — искренне, будто я сказала что-то забавное.

— Честно. Это хорошо. Я ценю честность, — он поднимается. — Тогда поешь так. Или давай я покормлю тебя.

— Я не буду есть.

— Будешь, — он говорит это без угрозы, просто констатирует факт. — Ты умная, Ви. Ты понимаешь, что голодовка — это самоубийство, а ты не хочешь умирать. Я читал твои книги. Твои герои всегда борются до конца.

Я сглатываю — он прав.

— Отвернись, — говорю я. — Не смотри, как я жую.

— Хорошо.

Он отворачивается к стене. Я вижу его спину — широкие плечи, темная футболка, татуировка прицела на правой руке, которая сейчас висит вдоль тела. Он стоит спокойно, ждет.

Левой рукой я тянусь к подносу. Еда на одноразовой тарелке, приборы из мягкого пластика. Паста действительно пахнет так, как должна. Домашняя. С грибами, луком, сливками. Я делаю плоток чая — зеленый, в меру холодный, без сахара. Идеально.

Я ем быстро, потому что голодная — сколько я не ела? Сутки? Двое? — и потому что ненавижу себя за то, что подчиняюсь.

— Спасибо, — вырывается автоматически, когда я доедаю. Воспитание, мать его.

Он поворачивается. В глазах — теплота.

— Пожалуйста, атман.

Он убирает посуду. Садится на край кровати — я инстинктивно отодвигаюсь, насколько позволяет лента. Он замечает, но ничего не говорит. Просто смотрит на меня.

— Ты, наверное, злишься, — начинает он. — Боишься. Ненавидишь меня. Это нормально. Я принимаю это.

— О, спасибо за разрешение, — огрызаюсь я. — Разрешешь мне еще что-нибудь? Может, сходить в туалет без конвоя?

— Туалет вон там, — он кивает на белую дверь. — Я отвяжу тебя, когда придет время. Не волнуйся, там все приватно. У нас есть... правила. Границы.

— Границы, — повторяю я. — Ты похитил меня и говоришь о границах.

— Я не маньяк, Ви, — в голосе впервые появляется жесткость. — Я не причиню тебе физического вреда, если ты не вынудишь меня. Ты здесь не для того, чтобы страдать. Ты здесь, чтобы... — он замолкает, подбирая слова. — Чтобы быть. Наконец-то быть собой. Без масок, без социальных игр, без фальши. Только ты и я.

— Ты больной, — говорю я. — Ты реально больной человек.

— Возможно, — он улыбается. — Но ты — мое лекарство.

После еды меня начинает клонить в сон. Глаза слипаются, хотя я борюсь изо всех сил. Остатки снотворного в крови? Или просто истощение?

— Спи, — слышу я его голос будто издалека. — Я посторожу.

— Не хочу, чтобы ты... сторожил, — бормочу я. — Иди на хер.

— Я здесь, — отвечает он. — Я всегда здесь.

Я проваливаюсь в сон, как в черную воду. Сны — неприятные, острые, как осколки.

Мать с отцом, еще живые, смеются за столом. Я маленькая, рисую цветными карандашами. Потом — больница. Белые стены. Капельницы. Бывший муж, Илай, сидит рядом со мной, держит мою руку. «Все будет хорошо», — говорит он. Я знаю, что хорошо уже не будет. Ничего.

Потом — клуб, где я когда-то работала. Темнота, музыка, чужие руки на талии. Чей-то голос: «Ты красивая, детка». Я пью текилу, закусываю лимоном, улыбаюсь. Потом — я одна в ванной, смотрю на лезвие в руке.

Кейн. Он стоит надо мной, волосы касаются моего лица. Глаза — серо-зеленые, с золотом. Он гладит меня по щеке — прикосновение легкое, почти невесомое.

— Ты моя, — шепчет он. — Наконец-то моя.

Я просыпаюсь с криком. Сердце колотится где-то в горле. Футболка прилипла к спине. Я дергаюсь, пытаюсь встать, но у меня не получается — я все еще привязана.

Комната та же. Лампа горит. На стуле рядом с кроватью — он, сидит, откинувшись на спинку, и смотрит на меня.

— Кошмар? — спрашивает он.

Я молчу. Сглатываю. Во рту пересохло, сердце все еще стучит как бешеное.

— Воды? — он протягивает стакан. Я беру, пью жадно, не думая.

Ставлю стакан. Смотрю на него.

— Сколько времени?

— Около трех ночи. Или утра. Тут неважно. — он пожимает плечами. — Ты вспотела. Если хочешь помыться, я отвяжу тебя.

— Прямо сейчас? — я не верю.

— Прямо сейчас, — он поднимается, подходит к кровати. Я сжимаюсь, но он просто тянется к ленте на моей руке. Пальцы — теплые, сухие — касаются запястья, распутывают узел.

Лента падает. Моя рука свободна.

— Ванная там, — он кивает. — Дверь запирается изнутри. Я не войду. Можешь не спешить.

Я тру запястье — под лентой кожа чистая, даже не покраснела. Смотрю на него. Он стоит рядом — высокий, спокойный, опасный. И не двигается.

— Ты... — начинаю я.

— Иди, — перебивает он. — Поговорим потом.

Я встаю. Ноги ватные, но держат. Иду к двери. Каждый шаг — будто по минному полю. Жду, что он схватит, остановит, сделает что-то. Но он просто стоит.

Ванная оказывается настоящей. Маленькой, но аккуратной: душевая кабина, унитаз, раковина, зеркало. На полочке — мои шампуни. Мои гели для душа. Мой крем.

Я закрываю дверь. Поворачиваю замок. Прислоняюсь лбом к холодной древесине и позволяю себе выдохнуть.

В душе я стою долго. Горячая вода течет по спине, смывает пот и страх, но не мысли. Я смотрю на свое тело в полумраке ванной. Знакомое, родное, но сейчас кажется чужим. Кожа покрывается мурашками от контраста температур. Веснушки на плечах — россыпью, как всегда. Змея на левой руке — татуировка, которую я сделала после выхода из психиатрической клиники, — извивается по коже, черная на бледном фоне.

Я тру себя мочалкой так сильно, что кожа краснеет. Хочется содрать с себя этот день, эту реальность и этого мужика с его дебильными речами.

Выхожу, заворачиваюсь в полотенце. Смотрю в зеркало. Оттуда смотрит Ви. Мокрая рыжая голова, карие глаза, темные круги под ними, маленький прямой нос. Губы сжаты в тонкую линию.

— Ты справишься, — шепчу я своему отражению. — Ты справлялась и не с таким. Это просто... просто еще одна история. Ты из нее выпутаешься.

Одежда, которую я нахожу в ванной, — моя. Серая футболка, мягкие домашние штаны. Чистое белье. Я одеваюсь медленно, тяну время. Потом открываю дверь.

Он сидит на том же стуле. При моем появлении поднимает голову.

— Легче? — спрашивает.

Я не отвечаю. Прохожу к кровати, сажусь. Смотрю на него.

— Кейн, — говорю. — Зачем я здесь? Ответь, только без этой твоей духовной херни. Человеческим языком.

Он смотрит на меня долго. Потом кивает.

— Хорошо, — он садится удобнее, кладет ногу на ногу. — Ты здесь, потому что я не могу без тебя жить. До встречи с тобой я был... пуст. Собирал себя по кускам, клеил, но внутри всегда была дыра. А когда увидел тебя — на том вечере, семь лет назад, — я понял: вот она. Часть, которой не хватает.

— Я не часть тебя, — перебиваю. — Я отдельный человек.

— Ты ошибаешься, — мягко возражает он. — Нет отдельных людей. Есть только иллюзия отдельности. В реальности мы все — одно. Просто не все это помнят.

— Ты хочешь меня, — говорю я. — Это просто похоть. Одержимость. Ты придумал себе образ и влюбился в него. Я здесь ни при чем.

— Нет, — он качает головой. — Я хочу не тело. Хотя тело — тоже, да, я не буду врать. Но главное — не оно. Главное — то, что внутри. Твоя тьма, Ви. Она такая же, как моя. Ты это уже поняла, просто боишься признать.

На самом деле ничего подобного я не поняла, и его слова падают в тишину. Я смотрю на него — и вижу светлые волосы, падающие на плечи. Ямочки на щеках. Теплые глаза. Красивый. Умный. Читал мои книги. И при этом всем — абсолютно безумный.

— Ты ошибся, — говорю я. Голос ровный, почти спокойный. — Во мне нет ничего, что тебе нужно. Я пустая.

Он смотрит на меня. Долго. Потом встает, подходит к кровати. Садится рядом — близко, но не касаясь.

— Пустота, — повторяет он. — Знаешь, что буддисты говорят о пустоте? Что это не отсутствие, а потенциал. Все вещи пусты по своей природе — и именно поэтому могут наполняться чем угодно. Твоя пустота — это не проклятие, а дар. Ты можешь стать чем угодно. И ты станешь. Мной. А я — тобой.

Он протягивает руку и касается моего лица — легко, кончиками пальцев проводит по щеке. Кожа горит от этого прикосновения.

— Ты устала, — говорит он. — Ложись. Я уйду.

И он уходит.

Я лежу в кровати. Лента на тумбочке — он не стал привязывать меня снова. Дверь заперта, но я знаю: если подойти, открыть не смогу. Я смотрю в потолок на резные лотосы на балках.

Слезы приходят неожиданно. Я не плакала года два — с тех пор, как вышла из клиники и дала себе слово, что больше никогда не буду жалеть себя. Но сейчас они текут сами — горячие, злые, соленые.

Я не знаю, сколько часов я плачу. Полностью выплакавшись, я просто лежу и смотрю, как лампа отбрасывает тень на деревянные стены.

Мысли путаются. Я вспоминаю его лицо, когда он сказал: «я не могу без тебя жить». Вспоминаю, как смотрел, будто я — не просто человек, а что-то большее. Спасение или смысл.

Илай смотрел на меня иначе. Он смотрел с любовью — нормальной, человеческой, здоровой. И я задыхалась в этой любви, потому что она требовала от меня тоже быть нормальной и здоровой. А этот... этот ничего от меня не требует. И это еще хуже. Я не понимаю, чего мне от него ожидать.

Глава 4. Прицел

Я поднимаюсь по лестнице медленно, будто несу что-то хрупкое. Так оно и есть — внутри меня, в груди, там, где обычно пустота, сейчас пульсирует что-то теплое. Она сказала «спасибо». Она назвала меня по имени. Маленькие победы. Но для меня — все.

Закрываю за собой дверь подвала, проверяю замок. Потом сажусь на пол в коридоре, прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза. Перед внутренним взором — ее лицо, когда я ее отвязал. Растерянное. Почти благодарное. Она не ожидала, что я сделаю что-то подобное. Все не ожидают.

Мать не ожидала, когда в детстве я приносил ей цветы — сорванные с клумбы у соседей. Она смотрела на меня с подозрением. «Что ты опять натворил?», — спрашивала она, а я ничего не творил. Я просто хотел, чтобы она улыбнулась.

Она не улыбалась. Ви тоже пока тоже не улыбается. Но она ест мою еду, говорит со мной, и пока не пытается меня убить. Это дорогого стоит.

Я сижу так долго. Минут двадцать, может, час. Потом встаю, иду в свою комнату. Доски пола скрипят под моими шагами, когда я вхожу в свою спальню и ложусь на кровать.

Дом старый, доставшийся от матери. Я ненавижу его — каждый угол здесь пропах ее презрением, ее пьяными истериками, и нашим с братом страданием. Но он мой. И теперь здесь Ви. Это очищает пространство.

Интересно, что она сейчас делает? Читает? Пишет? Думает обо мне? Скорее всего, злится. Злость — это хорошо. Злость — это энергия, это не равнодушие. Ее равнодушие я не вынесу.

Ночь проходит в полудреме. Я встаю несколько раз, вхожу в кабинет и гляжу в монитор, на котором транслируется запись с камеры видеонаблюдения. В подвале тишина. Она спит или делает вид. Или плачет в подушку — тихо, чтобы я не слышал.

Я хочу спуститься, обнять ее, сказать, что все будет хорошо. Но не спускаюсь. Нельзя. Ей нужно время. Нужно привыкнуть. Я и так ждал семь лет. Подожду еще.

Утром я собираюсь на работу — надеваю рубашку, завязываю галстук. В зеркале — обычный парень, менеджер банка, добрый, улыбчивый. Коллеги меня любят, особенно женского пола. Начальник считает перспективным. И никто не знает, что у меня в подвале — женщина, которую я люблю больше жизни.

Это странное чувство — раздвоение. Наверху я — Кейн, хороший парень. Внизу я — Кейн, бог, спаситель, похититель. Где настоящий? Там, где Ви. Только там.

Перед уходом спускаюсь в подвал с завтраком. Она сидит на кровати, обхватив колени руками. Смотрит на меня — в упор, без страха.

— Доброе утро, атман, — говорю я, ставя поднос на стол.

— Утро? — она криво усмехается. — Здесь непонятно.

— Около восьми. Мне пора на работу.

— На работу, — она качает головой. — Ты серьезно ходишь на работу, пока держишь женщину в подвале?

— Нужно платить за электричество, — отвечаю я. — И покупать тебе новые книги. И все, что ты захочешь.

Она фыркает и отворачивается.

— Сегодня буду поздно, — добавляю. — Встреча с клиентами.

— Спасибо за предупреждение, — язвит она. — А то бы я сошла с ума от беспокойства.

Я улыбаюсь и ухожу.

В банке день тянется бесконечно. Цифры, отчеты, улыбки клиентам. Миссис Гринберг пришла открыть счет для внука. Я терпеливо объясняю условия, шучу, она смеется. Хороший мальчик, говорит она мне. Заботливый. Если бы она только знала, насколько я заботлив на самом деле. От этой мысли я внутренне смеюсь. Это и правда смешно.

Мысли все время возвращаются к Ви. Что она сейчас делает? Читает Де Сада? Пишет что-то злое про меня? Принимает душ? Я представляю ее лицо под струями воды — расслабленное, без защиты — и внутри все сжимается от нежности. Мысли сами собой движутся дальше — я представляю ее тело: мокрые плечи, спину, изгиб поясницы, живот... В брюках становится тесно, и я сразу же начинаю дыхательные упражнения, чтобы успокоиться.

Поздно вечером, возвращаясь домой, я покупаю цветы в круглосуточном магазине в соседнем квартале. Ромашки, ведь она писала в блоге, что любит их. «Они выглядят просто, но внутри них целое солнце». Я запомнил.

Дома я сначала мою руки, потом спускаюсь в подвал. Ви сидит за столом и печатает, но при моем появлении он поднимает голову и замирает. Взгляд — настороженный и враждебный.

— Привет, — говорю я. — Держи.

Протягиваю ромашки. Она смотрит на них, потом на меня.

— Цветы? Seriously?

— Ты любишь ромашки.

— Это... — она замолкает. Берет букет, рассматривает. — Это странно. Очень странно.

— Я знаю.

— Ты похитил меня и даришь цветы.

— Да.

— Это не нормально.

— Я не нормальный.

Она ставит цветы в стакан с водой и долго смотрит на них. Ее тонкие пальцы гладят белые лепестки, но не с нежностью, а растерянно. Я понимаю — она не знает, что делать с подарком похитителя. Не страшно, я бы тоже не знал.

— Занятно, — говорит она наконец. — Но это ничего не значит. И я не буду тебя благодарить.

— Хорошо, — соглашаюсь я. То, что она поставила их в воду, а не стала бить меня ими по лицу — уже меня радует.

Она отодвигает стакан с ромашками на край стола — подальше от себя. Я молча наблюдаю.

— Ты говорил, что читал мои книги, — она смотрит мимо меня. — Какая тебе понравилась больше всего?

Вопрос не праздный. Я знаю — она проверяет, насколько глубока кроличья нора.

— «Мертвая вода», — я отвечаю без паузы. — Глава, где героиня возвращается в дом матери после ее смерти и находит в подвале банки с засоленными овощами, которые та закатывала двадцать лет назад. Она их открывает, пробует — и ее тошнит. А потом она плачет от осознания, что мать продолжала готовить для нее, даже когда они уже не разговаривали.

Ви молчит, и я вижу, как дергается желвак на ее скуле.

— Ты запомнил эту главу, — говорит она тихо. — Ее многие критики называли лишней.

— Критики ничего не понимают. Это лучшая сцена во всей твоей прозе. Ты написала ее, подразумевая своих родителей? Я знаю, что они...

Она резко поворачивается ко мне, и я вижу на ее лице выражение ярости.

— Нет! И не смей говорить о моей семье. Никогда!

— Хорошо, — киваю. — Не буду.

Я умею ждать и умею отступать, потому как воин на пути дао не злится на камень, о который спотыкается. Он благодарит его, ибо камень учит его внимательности. Ее сопротивление — мой камень, оно учит меня чуткости и терпению. Она сама расскажет все, когда захочет. Хотя я и так знаю о ней абсолютно все.

Она встает, подходит к стеллажу с книгами и водит пальцем по корешкам. Я замечаю, что она переставила книги в другом порядке. Я не возражаю — это ее пространство, она тут хозяйка и может делать, что захочет.

— Знаешь, что меня пугает больше всего? — спрашивает Ви, не оборачиваясь.

— Что?

— Не то, что ты меня похитил. Не подвал. Даже не то, что ты, возможно, убьешь меня, когда наиграешься. А то, что ты читал меня так, как не читал никто. Мой бывший муж вообще не осилил ничего из моего, кроме первого рассказа. Говорил: «Милая, у тебя талант, но мне тяжело, это слишком мрачно».

Она замолкает. Комната наполняется плотной тишиной.

— Это не делает тебя лучше, — добавляет она резко. — Это делает тебя опаснее.

— Я знаю.

Она вздыхает. Садится на пол, прислонившись спиной к стеллажу. Я хочу подойти, сесть рядом, но не двигаюсь с места. Она не просила подходить, значит еще не время.

— Расскажи о своей семье, — просит она внезапно.

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Я понимаю, что она не испытывает интереса ко мне, а просто ищет слабые места и анализирует. Но я не могу отказать ей ни в единой просьбе.

— Мой отец — насильник, — говорю я ровно. — Я никогда не видел его, и понятия не имею, что с ним сейчас. Мать спилась и умерла несколько лет назад. В детстве она пыталась убить меня, когда мне было семь. Положила подушку мне на лицо, но она была пьяна, и я смог вырваться. Я выбежал на улицу босиком, в пижаме. Соседи почему-то не вызвали полицию, и поэтому мне пришлось возвратиться. К тому же, дома остался младший брат, Дейв. Когда я вернулся, она уже дрыхла на полу в коридоре, и утром ничего не помнила. И я сделал вид, словно ничего не было. Мы с братом росли как придется. Веселого мало.

Ви смотрит на меня, и в ее взгляде нет жалости.

— Поэтому ты... — она не договаривает.

— Наверное. Я всю жизнь ищу того, кто не захочет меня убить. Того, кто посмотрит и скажет: ты не ошибка.

— И ты решил, что это я.

— Я не решил. Я знаю.

Она закрывает глаза. Прижимается затылком к корешкам книг.

— Ты ошибся, — говорит она. — Я хочу тебя убить. Прямо сейчас. Так же, как твоя мать.

— Но не сделаешь, — отвечаю я. — Потому что ты — не она.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты — мой атман.

Она не отвечает. Долго. Так долго, что я начинаю считать удары своего сердца. Сорок семь. Сорок восемь.

— Уйди, — говорит она наконец. — Пожалуйста. Просто уйди.

Я поднимаюсь. Иду к двери. На пороге оборачиваюсь.
— Ромашки тебе к лицу, — говорю я.

Она не смотрит в мою сторону. Я закрываю дверь, щелкаю замком и внезапно слышу глухой звук. Кажется, она бросила что-то в стену. Книгу? Не важно.

Наверху я сажусь за свой стол, и уставляюсь в экран. На нем — камера в подвале. Ви сидит на полу, обхватив колени. Ромашки в стакане отбрасывают странные тени на стену — похожи на маленькие солнца, которые никак не могут взойти.

Я смотрю на нее. Она просто сидит и смотрит в одну точку, как окаменевшая.
— Атман, — шепчу я экрану. — Ты справишься. Мы оба справимся.

Глава 5. Лотос

Первые несколько суток Кейн приходит регулярно. Два раза в день — завтрак утром и ужин после работы. Каждый раз он приносит разную еду. Гречку с грибами — точно так, как я люблю: масла минимум, грибы обжарены до хруста. Томатный сок — соленый, густой, моего любимого бренда. В другой день — куриный суп с лапшой. Потом — жаренное мясо с овощами. Я чувствую запах свежей зелени, и желудок предательски урчит, хотя разум кричит: не ешь, это отравка, он тебя опять накачает. Но я ем. Потому что голод сильнее страха, и потому что иного выбора нет.

Он всегда сидит на стуле и отворачивается, когда я жую. Не прикасается и не пытается приблизиться. Просто сидит, положив руки на колени. Когда я заканчиваю есть, он наблюдает, как я ерзаю на кровати, пытаюсь занять положение подальше от него. Он смотрит на меня, как зоолог, изучающий новый вид обезьян.

— Ты ешь медленно, — замечает он на третий день.

— Я всегда ем медленно.

— И это правильно. Торопиться за едой — значит не уважать ни еду, ни себя. Каждый кусок должен ощущаться как отдельное блюдо и полноценная трапеза.

Я не отвечаю ему. Посидев в молчании, он улыбается и уходит, и только когда дверь закрывается за ним, я выдыхаю.

На четвертый день он приносит на завтрак овсянку с ягодами и чай. Поставив поднос на тумбочку, он спрашивает:

— Как спалось?

— Отвали.

— Ты злишься. Это нормально.

— Ты похитил меня, мудак. В этой ситуации все не «нормально».

Он кивает, как будто я сказала что-то умное, подходит к стеллажу с моей одеждой, проводит пальцем по стопкам.

— Знаешь, я думал, что буду чувствовать вину. Но нет. Я чувствую только правильность всего этого. Каждая вещь здесь — на своем месте. Каждая книга — там, где должна быть. Ты — здесь. И это правильно.

— Для тебя правильно. Для меня — кошмар.

Он оборачивается. Смотрит на меня долго — так, что мне хочется отвести взгляд. Но я не отвожу. Я зло смотрю в ответ, пока глаза не начинают слезиться.

— Ты сильная, — говорит он. — Но знаешь, что я вижу под этой силой?

— И что же?

— Страх. Но не передо мной, а перед собой. Перед тем, что ты можешь мне поддаться.

Он подходит к кровати. Садится, впервые очень близко. Матрас проминается под его весом, и я чувствую тепло его бедра через одеяло. От него пахнет сандалом и еще чем-то сладким.

— Не дожدهшься, психопат ты чертов, — шиплю я сквозь сжатые зубы.

— Но ты уже поддалась. Ты ешь мою еду. Ты спишь на моей постели. Строишь на меня.

— Это не «поддалась», а «я выживаю».

— Какая разница? Результат один.

Он протягивает руку к моему лицу. Медленно, давая время отшатнуться. Я не двигаюсь — замираю, как кролик перед удавом. Его пальцы касаются моей щеки — сухие, теплые, шершавые.

— Не трогай меня.

— Я просто хочу почувствовать тебя.

— Сказала же — не трогай!

Я резко бью его, наотмашь. Ладонь врезается в его скулу. Голова Кейна дергается в сторону, но он не вскрикивает. Только улыбается, поворачиваясь обратно. На щеке — красное пятно.

— Хорошо, — выдыхает он. — Очень хорошо. Злись. Это делает тебя живой.

Он встает и уходит. Замок за ним щелкает.

Я смотрю на свою левую ладонь. Она горит, а сердце колотится как сумасшедшее от того, что я все-таки это сделала, и от ужаса перед тем, как он отреагировал, и чем он может мне отплатить.

Вечером он не приходит и не приносит ужин. А на пятый день не приносит завтрак.

Я просыпаюсь от голода — желудок сводит, но еще легко, терпимо. На тумбочке — только стакан с водой. Больше ничего.

Я жду. Час. Два. Три. Никто не приходит. Я начинаю стучать в дверь и кричать:

— Эй! Ты там? Есть кто?!

Мне отвечает тишина, в которой только мое собственное дыхание. Проходит еще какое-то время, по внутренним ощущениям — несколько часов.

Паника поднимается внезапно, откуда-то из живота — теплая, липкая, как патока. Она заполняет грудь и сжимает горло.

— Нет, нет, нет, — бормочу я. — Только не это. Только не сейчас.

Я закрываю глаза. Дышу. Считаю до десяти. Метод, которому научили в терапии. Вдох — раз, два, три. Выдох — четыре, пять, шесть... Не работает.

Он ушел. Бросил меня здесь. Умер, может быть. Или его арестовали. Или ему надоело.

А если он не вернется? Если я останусь здесь навсегда, без еды, без воды, одна?

Я снова стучусь в дверь и кричу. Наконец, замок щелкает. Я отступаю от двери, и замираю в напряжении.

Кейн выглядит иначе. Под глазами — синяки, будто он не спал всю ночь. Одежда мягкая. Он несет поднос, на котором — суп, хлеб и сок.

— Извини, — говорит он. Голос тусклый, безжизненный. — Я не мог прийти раньше.

Я молчу и смотрю на него. Он ставит поднос на тумбочку, садится на стул, в метре от меня и смотрит в пол.

— Ты в порядке? — спрашиваю я. Спрашиваю — и сама ужасаюсь этому вопросу. С каких пор меня волнует, в порядке ли мой похититель?

— Нет, — отвечает он.

Я настороженно замираю.

— Почему?

— Ты не поймешь.

Он поднимает глаза на меня. И в этом взгляде нет ничего от того уверенного, спокойного Кейна из первых дней. Только усталость и пустота.

— Ешь, — говорит он тихо. — Суп остынет.

Он уходит и оставляет меня одну с подносом. Я принимаюсь за еду. Ем медленно, ложку за ложкой. Суп оказывается вкусным.

Кейн возвращается через несколько часов, садится на стул напротив кровати, где я сижу.

— Я хочу тебе кое-что показать, — говорит он.

Он достает из кармана телефон. Включает экран, на нем — новостная лента.

«Пропала писательница Ви Падма. Полиция разыскивает свидетелей».

— Меня ищут, — говорю я. Голос ровный — слишком ровный, хотя я чувствую, как подскакивает пульс.

— Да.

— Ты поэтому не приходил? Ты боишься, что тебя, наконец, раскроют и посадят?

— Нет. Но я испугался. Не за себя. Я испугался, что тебя заберут. Отсюда. От меня.

Он смотрит на меня — и в глазах снова появляется золото, которое я видела в первый день. Он встает и подходит ко мне — медленно, как крадущийся зверь. Я отшатываюсь, но за моей спиной — стена, в которую я упираюсь лопатками. Он же не замечает этого, только опирается коленом о постель, наклоняется и берет мое лицо в ладони — нежно, почти благоговейно.

— Ты моя, — шепчет он. — Ты всегда была моей.

— Отпусти, — рычу я в ответ, сжимая кулаки.

И вдруг он целует меня в губы — мягко, осторожно, как будто я сделана из фарфора. Я замираю от неожиданности.

Губы у него сухие, теплые, с привкусом кофе. Я не отвечаю на поцелуй, но и не сопротивляюсь. Просто сижу с запрокинутой головой, чувствуя, как его руки скользят по моей шее, опускаясь на плечи.

Он отстраняется первым.

— Тебя трясет, — говорит он.

— Мне страшно.

— Да. Но ты боишься не меня. А себя. Тебе ведь понравилось?

Я не отвечаю, потому что с ужасом понимаю: он прав. Это отвратительно и неправильно — но мне действительно понравилось. Потому что на это короткое мгновение я перестала думать. И потому что на самом деле мне ужасно одиноко.

— Уйди, — говорю я.

— Атман...

— Уйди, блять! Прямо сейчас!

Он кивает и уходит молча, не оглядываясь, а я падаю на кровать и закрываю лицо руками.

Глава 6. Прицел

Я поднимаюсь по лестнице, и каждый шаг дается мне с трудом — ноги ватные, в груди полыхает пожар. Я поцеловал ее. Наконец-то. Семь лет ожидания, и вот — ее губы под моими. Такие теплые, что можно сойти с ума.

Она не оттолкнула меня. Не ответила — да. Но и не оттолкнула

Я закрываю дверь вниз и прислоняюсь к ней лбом. Сердце колотится где-то в горле, дыхание сбито. Я чувствую себя подростком после первого поцелуя — глупым, счастливым, потерянным.

Но я не подросток, и этот поцелуй не первый для меня. Однако, он первый настоящий.

Наверху я прохожу в ванную, смотрю в зеркало. Кончиками пальцев я касаюсь своих губ и улыбаюсь. Я и правда счастлив.

Я ложусь в кровать, но не могу уснуть. Перед глазами — ее лицо в тот момент, когда мои губы коснулись ее. Глаза распахнуты, зрачки расширены. Она не дышала. Я чувствовал, как подрагивают ее плечи под моими ладонями. Да, она боялась. Но она не отстранилась.

Я прокручиваю этот момент снова и снова, и каждый раз нахожу в нем что-то новое. В первый раз мне кажется, что она замерла от ужаса. Во второй — что в ее глазах мелькнуло что-то еще. Любопытство? В третий раз я убеждаю себя, что она почти ответила.

Она почти ответила.

Я засыпаю под утро и вижу сон. Мы с ней сидим в саду, с яблонями и мокрой травой. Ви смеется — громко, запрокинув голову. Ее рыжие волосы разметались по плечам. Я протягиваю руку, и она берет меня за пальцы.

— Атман, — говорит она. — Ты пришел.

— Я всегда был здесь, — отвечаю я.

Когда я просыпаюсь, часы показывают шесть утра. В доме тихо — только ветер гудит за окнами и где-то в трубах переливается вода.

Я спускаюсь в подвал тихо, почти бесшумно. Она спит — свернувшись калачиком на кровати, поджав колени к груди. Одеяло сползло на пол, но я не подхожу его поправить. Не сейчас. Я просто стою в дверях и смотрю.

Ее лицо во сне — другое. Не то колючее, которое она надевает, когда я вхожу. А открытое, беззащитное. Губы чуть приоткрыты. Брови сдвинуты — даже во сне она о чем-то тревожится. О чем? Обо мне? О побеге? О том, что будет дальше?

Я хочу знать. Хочу забраться к ней в голову и прочитать каждую мысль. Но не могу. Пока не могу. Поэтому я просто смотрю и запоминаю каждую деталь: как падает свет на ее скулы, как вздымается и опускается грудь, как пальцы левой руки сжимают подушку.

Моя девочка. Моя.

На работу я еду с тяжелой головой и легким сердцем. В банке — обычная рутина. Клиенты, цифры, улыбки. Ко мне подходит незнакомая пожилая женщина с жалобой на процентную ставку. Я терпеливо объясняю, улыбаюсь, шучу. Она уходит довольная.

— Варп, — окликает меня начальник. — Ты сегодня какой-то... рассеянный. Все в порядке?

— Да, сэр. Просто не выспался.

Он хлопает меня по плечу и желает «взбодриться». Я киваю и возвращаюсь к монитору.

Рассеянный. Если бы он знал, о чем я на самом деле думаю. О том, как ее губы приоткрылись во сне. О том, как пахнут ее волосы — чем-то сладким, вроде цветов. О том, что сегодня вечером я снова увижу ее. И может быть, снова поцелую.

В обеденный перерыв я отпрашиваюсь и еду домой. Не потому, что забыл что-то важное — а потому что не могу больше ждать. Мне нужно увидеть ее. Убедиться, что она все еще здесь. Что вчерашнее — не сон.

Спускаюсь в подвал. Она сидит за столом — пишет. При моем появлении не оборачивается, но я вижу, как напрягаются ее плечи.

— Привет, атман.

— Я не твой атман, — отвечает она, не поднимая головы.

— Ты писала? — я подхожу ближе, заглядываю в экран ноутбука, и вижу огромное полотно текста. Она пишет быстро, почти бешено, будто выплескивает что-то, что держалось внутри слишком долго. Я не вчитываюсь в слова. Время еще будет.

— Отойди, — говорит она. — Не стой над душой.

— Извини.

Я отхожу к одной из полок, вожу пальцем по корешкам ее книг, пока она стучит по клавишам. Скоро стук утихает. Она встает из-за стола, подходит к кровати и садится на край, обхватив колени руками. Я замечаю, что сегодня она надела серую толстовку, которую я отглаживал для нее.

— Кейн, — говорит она устало. — Ты не можешь держать меня здесь вечно. Рано или поздно тебя вычислят, например, по номеру машины. Меня найдут. И тогда тебе конец.

— Найдут? — я усмехаюсь. — Ви, ты думаешь, я боюсь тюрьмы? Или считаешь, что я плохо подготовился? Этому плану не один год. Машина куплена за наличные и не зарегистри-

рована на меня. А сейчас она и вовсе колесит в другом городе... Впрочем, детали тебе ни к чему.

— Ты псих, — выдыхает она.

— Ты уже говорила.

— Потому что это правда.

Я сажусь на пол напротив нее — так, чтобы видеть ее лицо. Она смотрит на меня, и в ее взгляде — усталость, злость и еще что-то. Что-то, что она пытается спрятать, но у нее плохо получается.

— Скажи мне, — говорю я тихо. — Ты действительно хочешь, чтобы тебя нашли?

Она молчит. Слишком долго.

— Что за вопрос? — наконец отвечает она. — Конечно, хочу.

— Тогда почему ты не кричишь? Не стучишь в стены? Не пытаешься сбежать, когда я открываю дверь?

— Потому что я не идиотка, — огрызается она. — Я догадываюсь, что это бесполезно.

Я киваю, ведь она права. Из этого подвала ничего не слышно наверху. Взломать дверь она не сможет. Как и бороться со мной — даже в расслабленном состоянии я все равно в разы сильнее ее.

— Ты записываешь меня, — она кивает куда-то в угол. — Я видела камеру.

Я замираю. Камера — маленькая, черная, в углу под потолком. Она встроена в стену, замаскирована под деталь декора. Но она заметила. Конечно, заметила. Моя умная девочка.

— Да, — признаю я. — Камера есть.

— Ты смотришь на меня.

— Да.

— Когда я сплю? Когда в душе?

— Нет, — я качаю головой. — Душ — приватная зона. Камера не видит ванную. Я обещал тебе границы. Я держу слово.

Она криво усмехается.

— Границы. У похитителя. Какая ирония.

— Я не хочу тебя унижать, Ви. Я хочу тебя защищать.

— От кого?

— От мира. И от тебя — тоже. И я знаю, что ты не пытаешься бежать и не нападаешь по другой причине. Где-то глубоко внутри ты знаешь, что твой побег был бы бегством от самой себя. Я лишь удерживаю тебя от ошибки, которую ты оплакивала бы вечность. Настоящий воин выбирает поле битвы. Для нас с тобой оно здесь. Не друг с другом, а со своими демонами. Тут нет отвлекающего шума, и мы наконец можем встретить самих себя, настоящих. Когда-то ты поблаговаришь эти стены.

Она смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю чувствовать себя неуютно — впервые за много лет. Потом она закрывает глаза и откидывается на подушку.

— Ты больной, — шепчет она. — Ты правда, правда больной.

— Возможно.

— И ты думаешь, что я — твоё лекарство.

— Я знаю это.

Она не отвечает. Я сижу на полу и смотрю, как её грудь поднимается и опускается.

— Кейн, — говорит она, не открывая глаз. — Я никогда тебя не полюблю.

Её фраза бьет под дых. Я не ожидал её — хотя должен был.

— Я буду ждать, — отвечаю я. — А если не дождусь, то буду любить за двоих.

— Я ненавижу тебя.

— Пусть так. Я все еще здесь.

— А если я убью себя?

В комнате становится тихо. Так тихо, что я слышу, как гудит электричество в стенах.

— Ты не сделаешь этого, — говорю я, и голос мой звучит ровно, хотя внутри все сжимается от ужаса. — Ты не сумеешь уничтожить храм, ведь ты и есть божество, которое в нем обитает. Это было бы святотатством над самой собой. И ты писала об похожем в «Точке невозврата». Ты говорила, что самоубийство — не храбрость, а капитуляция. А ты не капитулируешь. Никогда.

Она открывает глаза. Смотрит на меня — и в её взгляде нет ненависти. Нет страха. Только тяжелая усталость.

— Ты и это запомнил, — говорит она.

— Я запомнил все.

Она закрывает глаза снова.

— Но это не тоже самое. Уйди, Кейн. Пожалуйста. Я устала.

Я поднимаюсь. Иду к двери. На пороге оборачиваюсь — она лежит на кровати, свернувшись клубочком, и кажется такой маленькой. Почти ребенком.

— Я принесу ужин через пару часов, — говорю я. — Что ты хочешь?

— Свободу.

— Кроме свободы.

— Тогда ничего.

Она отворачивается к стене. Я закрываю дверь, щелкаю замком и поднимаюсь наверх.

На кухне я открываю холодильник и долго смотрю на продукты. В конце концов я выбираю грибы и сливки, и достаю из шкафчика упаковку риса. Сегодня мы будем есть ризотто.

Закончив с готовкой, я сажусь за стол, включаю телефон. Новостные ленты все еще полны ее фотографиями. «Пропала писательница». «Полиция просит помощи». «Семья в отчаянии».

Какая семья? У нее никого нет. Мать с отцом умерли. Бывший муж — в прошлом. Друзей, которые действительно заботились бы о ней — может быть, один-два, но они далеко. Она всегда была одна. Как и я.

Я смотрю на ее фото — на том, которое выбрали для новостей. Она улыбается — натянуто, будто через силу. Волосы собраны в хвост, на шее — кулон в виде звезды. Я подарил бы ей такой. Если бы она позволила.

— Атман, — шепчу я. — Мы будем счастливы. Ты увидишь.

Я выключаю телефон и иду в душ. Вода горячая — почти обжигающая. Я стою под струями и чувствую, как уходит напряжение дня. Но не все. Часть его остается — там, внутри, где пустота постепенно заполняется ею.

Она сказала «уйди». Но она не сказала «никогда не возвращайся».

Я выхожу из душа, вытираюсь и смотрю в зеркало на татуировку на правой руке. Когда я набил ее, я думал, что это я — стрелок. Но теперь понимаю: я — мишень. И Ви попала мне в самое сердце. В тот самый момент, когда я увидел ее впервые. Семь лет назад. В душном зале поэтического вечера, где она стояла у стены с бокалом вина и смотрела куда-то в пустоту.

Она не знала, что я заметил ее настроение. Не знала, что с того самого вечера я принадлежу ей. Но теперь узнает.

Я одеваюсь, спускаюсь в подвал с ужином. Она уже спит — по-настоящему, глубоко. Я ставлю поднос на тумбочку, поправляю одеяло — осторожно, чтобы не разбудить — и сажусь на стул рядом. Просто смотреть.

Глава 7. Лотос

Я перестала понимать, сколько прошло дней. Сначала я считала по завтракам и ужинам, но в какой-то момент сбилась со счета. А потом ко мне и вовсе пришло осознание, что Кейн мог запросто обмануть меня, и приносить еду в случайное время, ведь он сумасшедший.

— Нет, это уже паранойя, — бормочу я себе под нос, и кошусь на камеру видеонаблюдения. Смотрит ли он сейчас на меня? Чем он вообще занят целыми днями, пока я сижу здесь?

Я сижу на кровати с раскрытой книгой на коленях, но не читаю, а думаю о нем, и понимаю, что знаю о своем похитителе ничтожно мало, а неизученный предмет внушает больше страха, чем тот, который рассмотрен со всех сторон. Поэтому я решаю во что бы то ни стало разузнать о нем больше. Во-первых, мне все равно больше не с кем разговаривать, а во-вторых, возможно я смогу найти подсказку в запутанных дебрях его психики и придумаю, как мне отсюда выбраться.

Глубоко погруженная в свои мысли я не замечаю, как дверь в подвал открывается.

— Доброе утро, атман, — говорит Кейн, и я вздрагиваю.

Сегодня он выглядит иначе — на нем черные брюки и белая рубашка, волосы собраны назад, а парфюм резкий — что-то ментоловое. Его взгляд прямой и сосредоточенный, и в нем нет привычного обожания. Вместо подноса он держит в руках небольшую черную коробку. Я напрягаюсь.

— Утро, — осторожно отвечаю я, внимательно наблюдая за ним.

— Что читаешь? — деловито спрашивает он, парой широких шагов пересекая комнату и садясь на кровать рядом со мной. — О, Паланик. «До самых кончиков». Интересный выбор.

Я молчу. Конечно, он знает Паланика. Иначе и быть не могло.

— Читал? — спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

— «Пережить можно все — даже самую страшную боль. Только тебе нужно что-то, что будет тебя отвлекать. Попробуйте вышивать. Или мастерить абажуры из цветного стекла», — цитирует он, — Да, читал. Ты ведь поэтому любишь его, да? За честность?

Я закрываю книгу и откладываю в сторону.

— Ты пришел поговорить о литературе или есть какая-то причина для визита?

Он протягивает мне черную коробку. Я не беру.

— Что это?

— Открой.

— Нет.

— Атман, — в его голосе появляется стальная нотка, новая для меня. — Это не бомба, а подарок.

— Я не принимаю подарки от похитителей.

— Тогда считай это... частью инвентаря. Как кровать или книги.

Он ставит коробку на одеяло между нами. Я смотрю на нее. Потом на него. Потом снова на коробку. Но любопытство — мое проклятие. Я ругаюсь про себя и осторожно открываю крышку.

Сначала я не понимаю, что внутри. А когда до меня доходит, то у меня перехватывает дыхание. Черный силикон, изогнутая форма, эргономичные очертания. Вибратор. Дорогой, анатомически точный, с пультом дистанционного управления в отдельной ячейке из пеноматериала. Еще одна ячейка почему-то пустая. И рядом — смазка. Маленький флакон, прозрачный, с надписью «на водной основе».

Комната перестает существовать. Я слышу только стук собственного сердца — тяжелый, сбивчивый.

— Ты... — начинаю я. Голос садится. — Ты охренел?

— Это «LeloMona2», — спокойно говорит Кейн, будто рассказывает о погоде. — Лучшая модель на рынке. Тело из медицинского силикона, бесшумный мотор, восемь режимов вибрации. Водонепроницаемый.

— Я знаю, что это такое, придурок!

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он улыбается — своей убийственной улыбкой с ямочками — и смотрит на меня так, будто я — десерт, который он решил съесть не сразу, а растянуть удовольствие.

— Зачем? — выдавливаю я. — Зачем ты это мне даешь?

— Затем, что ты — женщина. У тебя есть потребности. Я не могу удовлетворить их сам — ты пока не готова. Но я не хочу, чтобы ты страдала. Или... скучала.

— Это извращение.

— Это забота.

— Ты больной ублюдок.

— Возможно, — он наклоняет голову, и собранные волосы падают на лицо. — Но... мы оба знаем, что тебе хочется. Потому что ты одна, потому что прошло много дней, а ты не прикасалась к себе. Ты слишком напряжена и сжата. Это вредно.

Я чувствую, как кровь приливает к щекам. Лицо горит. Я ненавижу себя за эту реакцию и за то, что он прав. За то, что мое тело действительно ноет от отсутствия прикосновений. Не его — любых. Хочется просто... человеческого тепла. Или хотя бы разрядки.

— Откуда ты знаешь, прикасалась я или нет? — шиплю я. — Следишь за моими руками на камере?

— В том числе, — спокойно отвечает он, словно это что-то само собой разумеющееся.

Я закрываю глаза, глубоко вдыхаю и считаю до десяти. Потому что если я сейчас не успокоюсь, то либо закричу, либо ударю его, либо — что хуже — разревусь.

— Забери это, — говорю я тихо.

— Нет.

— Кейн!

— Ви, — он берет коробку, закрывает крышку и кладет ее на стол, рядом с увядшими ромашками. — Это останется здесь. Ты можешь пользоваться им или нет. Можешь сломать. Но я принесу новый. Столько раз, сколько понадобится. Потому что я хочу, чтобы ты чувствовала себя хорошо. Даже если ты ненавидишь меня за это.

Он встает и направляется к двери.

— И еще, — бросает через плечо. — Пульты два, второй у меня. Они работают на расстоянии. Я, конечно, не буду им пользоваться без твоего согласия. Но если ты захочешь... скажи. И я включу его. Где бы я ни был.

— Ты сдохнешь в аду, — выдыхаю я.

— Возможно, — он оборачивается. В его глазах — зелень с золотом, тьма и что-то такое голодное, от чего внутри у меня все переворачивается. — Но сначала я сделаю так, чтобы ты чувствовала себя в раю.

Дверь закрывается. Замок щелкает.

Я сижу на кровати, глядя на черную коробку на столе. Ромашки рядом выглядят невинно и мертво. А коробка — словно пульсирует, хотя я знаю, что мне лишь кажется.

Я не трогаю ее. Час. Два.

Потом встаю, подхожу к тумбочке. Открываю крышку. Смотрю на силиконовую форму — гладкую, изогнутую, почти красивую в своей функциональности. Взять в руки? Нет. Закрываю.

Отхожу к полке. Беру первую попавшуюся книгу и пытаюсь читать, но буквы пляшут, а мысли возвращаются к коробке.

Он не будет пользоваться вторым пультом без моего согласия. Как мило. Похититель, который дарит вибратор и говорит о согласии. Я смеюсь — нервно, истерически. Смех рассыпается по комнате и умирает на деревянных стенах.

— Господи, — шепчу я. — Господи, в какой же заднице я оказалась.

Я ложусь на кровать и смотрю в потолок на резные лотосы. Камера в углу смотрит в ответ — черный немигающий глаз. И где-то там, наверху, Кейн сидит перед монитором и, возможно, улыбается. Разозлившись, я показываю средний палец в камеру.

Я закрываю глаза. Перед внутренним взором — его пальцы, когда он ставил коробку на тумбочку. Длинные, с аккуратными ногтями. Татуировка-мишень на правой кисти.

В нем явно поменялось что-то сегодня. Но что? Я так ничего и не выяснила, потому что он не позволил. А что, если он войдет ночью? Что, если решит, что мое молчание — согласие?

Желудок сжимается от страха. Но где-то ниже, в животе, разливается другое тепло. Стыдное. Запретное. Отвратительное. Я поворачиваюсь на бок, лицом к стене, поджимаю колени к груди и закусываю губу, чтобы не застонать.

Потому что тело не спрашивает разрешения. Оно помнит, как он поцеловал меня. И оно хочет, чтобы кто-то — даже этот конченный псих — коснулся его.

— Я ненавижу тебя, — шепчу я в стену. — Ненавижу.

Но рука сама тянется вниз, к поясу домашних штанов. Останавливается в дюйме от цели. — Нет, — я убираю руку и сжимаю пальцы в кулак. — Не сейчас. Не из-за него.

Я встаю. Иду в ванную. Включаю душ — холодный, насколько можно терпеть. Стою под ледяной водой, пока зубы не начинают стучать. Тело перестает хотеть. Зато начинает дрожать.

Выхожу, заворачиваюсь в полотенце. Смотрю в зеркало. Оттуда смотрит Ви — мокрая, бледная, с темными кругами под глазами. На шее — красные пятна от холодной воды.

— Ты справишься, — говорю я отражению. — Ты просто не будешь об этом думать.

Я возвращаюсь в комнату. Коробка все еще на столе. Я подхожу к ней и открываю. Достаю вибратор.

Силикон теплый от комнатной температуры — или от моих горячих пальцев. Я верчу его в руках, изучаю. Качество — дорогое, не стыдно. Взвешиваю на ладони. Потом кладу обратно в коробку.

Закрываю. Пинком забрасываю коробку под кровать.

— Там ему самое место, — говорю я вслух для камеры. — Рядом с пылью и твоими большими фантазиями.

Камера молчит. Но мне кажется — или в динамиках едва слышно шуршит что-то похожее на смех? Я ложусь в кровать, натягиваю одеяло до подбородка и закрываю глаза. Он сказал: «Если захочешь — скажи». Я никогда не скажу. Но что, если однажды ночью я захочу так сильно, что рот откроется сам?

Я засыпаю с этой мыслью. И вижу сон — липкий и жаркий, в котором его руки не останавливаются, а идут дальше.

Глава 8. Прицел

Я врубаю первую передачу и выезжаю со стоянки банка. Рубашка душит, и я расстегиваю верхнюю пуговицу, ослабляю галстук. Ментоловый парфюм, который я нанес утром, теперь кажется приторным, смешавшись с запахом кофе и бумаги.

Сегодня был долгий день. Встреча с региональным менеджером, презентация квартальных показателей, ужин с клиентами в итальянском ресторане, где я пил минералку и делал вид, что мне интересны их шутки про налоги. Нормальная жизнь. Маска.

Но под маской — пульсирующая, горячая мысль о ней. О коробке, которую я оставил на столе сегодня утром. О том, что она, наверное, уже открыла ее. Или нет. Может, до сих пор сидит и смотрит на нее, как смертник на гильотину. От этой мысли меня разбирает смех. Поверить не могу, что женщина, читающая Маркиза де Сада и написавшая кучу книг со сценами, от которых покраснела бы даже старая проститутка, так сильно испугается вибратора.

Я сворачиваю на узкую дорогу к дому. Фары выхватывают из темноты мокрые стволы деревьев — недавно прошел дождь. В зеркале заднего вида — никого. Как всегда.

Дом встречает тишиной. Я захожу, набираю воду на кухне, пью прямо из-под крана, глядя в окно. Потом поднимаюсь в кабинет и включаю монитор.

Она спит. Свернулась калачиком, лицом к стене. Я откидываюсь в кресле и закрываю глаза, вспоминая, как утром я весь трясся внутри, как щенок, когда спускался к ней с этой коробкой.

Я не хотел дарить ей вибратор. Я хотел бы подарить ей кольцо. Или хотя бы браслет — что-то, что она носила бы на запястье и вспоминала обо мне. Но кольцо слишком рано. Слишком явно. А браслет она бы точно смыла в унитаз.

Вибратор — это другое. Он про тело, про потребности, про то, что я не могу дать ей сейчас, но хочу, чтобы она получила это откуда-то еще. Даже если это «откуда-то еще» — кусок силикона, купленный мной в интернет-магазине.

Я выбирал его три часа. Читал обзоры, сравнивал материалы, смотрел видео. Хотел, чтобы ей было хорошо. Не больно. Не страшно. Не унижительно. Хорошо. Гораздо лучше с этим справился бы я сам, но нужно подождать — это я умею. Пусть даже это случится не скоро — тем слаще будет момент для нас обоих.

В отдельной вкладке я смотрел на ее фотографии — те, что в новостях. «Пропала писательница». С каждым днем новостей становится меньше. Завтра, возможно, про нее вообще забудут. Так работает мир — быстро переключается на новое.

Я должен радоваться. Но я не радуюсь, а чувствую легкую печаль, потому что, когда мир забудет ее, она останется только у меня. И это бремя — быть единственным, кто помнит, что она существует, кроме нее самой.

Я открываю глаза, снова смотрю на монитор. Она шевелится во сне. Что ей снится? Надеюсь, не я. Потому что мои сны о ней — это пытка. Я вижу, как она смеется. Как ест приготовленный мной ужин. Как смотрит на меня без ненависти. А просыпаюсь — и понимаю, что она все еще в подвале, ненавидит меня, и она абсолютно в этом права. Ужасен ли я? Возможно. Но мой грех не жестокости, а в том, что я полюбил эту женщину сильнее, чем позволено человеку. Это моя карма — быть ее демоном и ангелом-хранителем.

Я спускаюсь вниз, в коридор перед дверью подвала. Прислоняюсь лбом к холодному металлу.

— Атман, — шепчу я. — Ты даже не представляешь, как мне жаль. И как я тебя люблю.

Она не слышит. Стены толстые — звукоизоляцию я делал сам. Она может кричать — никто не услышит. Но она не кричит. И это день за днем удивляет меня.

Я поднимаюсь вверх, раздеваюсь, лезу в душ. Вода горячая, почти кипятки. Я стою под струями и думаю о ее руках. О том, как она открывала мой подарок.

Я провожу рукой по животу, ниже. Закрываю глаза — передо мной ее лицо в тот момент, когда я поцеловал ее. Расширенные зрачки, приоткрытые губы. Она не дышала. Я чувствовал, как бьется ее пульс на шее — под моими пальцами.

Я кончаю под душем, представляя, что это она касается меня. Что она шепчет мое имя — не как проклятие, а как молитву.

Потом открываю глаза. Вода стекает в слив. Я один. Как всегда.

Одеваюсь, спускаюсь в подвал. Она уже не спит — сидит на кровати, обхватив колени. Волосы мокрые — мылась. Значит, была в душе. Хорошо. Я рад, что она пользуется ванной. Что не отказывает себе даже в этом.

— Привет, — говорю я.

Она не отвечает. Смотрит на меня исподлобья.
Я сажусь на стул напротив. Кладу ногу на ногу.

— Ты показала мне «фак» в камеру.

— Внимательный какой, заметил, — огрызается она.

— Мне понравилось, — я улыбаюсь. — У тебя красивые пальцы.

— Отвали.

— Ты запинала мой подарок под кровать.

Она замирает. Сжимает колени сильнее.

— Зачем ты дал мне это? — она кивает в сторону. — Ты издеваешься? Хочешь унижить меня?

— Нет, — я подаюсь вперед, ставлю локти на колени. — Я хочу, чтобы ты не забывала, что ты — женщина. Что твое тело имеет право на удовольствие. Даже здесь. Даже сейчас.

— Ты больной.

— Я знаю. Но я прав.

Она отворачивается. Я вижу, как дергается ее бровь.

— Ты сегодня был другим, — говорит она вдруг. — Утром. Укладка, одеколон другой. Что случилось?

Я молчу. Она заметила. Конечно, заметила. Она замечает все — детали, которые другие пропускают. Это ее дар.

— У меня была встреча, — говорю я. — Важная. С людьми, называют меня «мистер Варп» и хлопают по плечу. Я должен был выглядеть нормальным, чтобы они продолжали платить мне деньги.

— Ты и есть нормальный, — мрачно усмехается она. — Для них.

— Да. Для них я — Кейн Варп, тридцати трех лет, менеджер среднего звена, холостой, живущий один, любящий чай и походы. Без детей и судимостей. Скучный, безопасный, правильный.

— А для себя?

— Для себя — я тот, кто сидит сейчас перед тобой. Кто смотрит на тебя по ночам и не может уснуть. Кто знает, что, если тебя найдут, его жизнь кончится. Но ему плевать.

Она смотрит на меня долго. Так долго, что я начинаю чувствовать себя голым — хотя на мне джинсы и футболка.

— Ты поэтому был таким холодным утром? — спрашивает она. — Потому что надел маску и забыл снять?

— Нет, — я качаю головой. — Я был холодным, потому что боялся. Боялся, что ты начнешь на меня кричать. Боялся, что ты согласишься на меня с таким отвращением, что я не выдержу. Боялся, что ты права — что я монстр.

— Ты монстр, — говорит она тихо.

— Да, — я киваю. — Но монстр, который любит тебя.

Она закрывает глаза. Губы дрожат.

— Кейн, — шепчет она. — Если ты действительно меня любишь... отпусти.

Я встаю со стула и подхожу к кровати. Сажусь рядом — близко, почти вплотную. Она не отодвигается.

— Не могу, — говорю я. — Я пытался. Семь лет я пытался не думать о тебе. Не следить. Не хотеть. У меня не получилось.

— Тогда ты не пытался по-настоящему.

— Ты не знаешь, что значит пытаться по-настоящему, — мой голос становится жестче. — Это когда просыпаешься в три ночи и идешь к компьютеру, чтобы проверить, выложила ли она новое фото в инстаграме¹. Когда покупаешь книги, которые она рекомендовала, и читаешь их, чтобы понимать, о чем она думает. Когда покупаешь конкретный одеколон, потому что в одном интервью она сказала, что любит именно этот аромат.

Она смотрит на меня с ужасом.

— Это не любовь, — шепчет она, — а болезнь.

— Да, я и сам это говорил, — я протягиваю руку, касаюсь ее щеки. Она не отворачивается. — Но это все, что у меня есть.

— Кейн...

— Не надо, — я убираю руку. — Не надо меня жалеть. Просто... просто знай. То, что я сделал — неправильно. Я понимаю. Но я не могу жить без тебя. А ты без меня — можешь. И это несправедливо. Но я не Бог. Я не обязан быть справедливым.

Она молчит. Я смотрю на ее руки — тонкие, бледные пальцы сжимают край одеяла.

— Ты не использовал пульт? — спрашивает она вдруг.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты не сказала «да».

— А если скажу?

В комнате становится тихо.

— Тогда я включу, — отвечаю я. — Но не больше, чем ты попросишь. Никогда.

Она смотрит мне в глаза. Ее взгляд — как лезвие. Я вижу, что она хочет сказать что-то еще, но не говорит. Вздохнув, она откидывается на подушку и закрывает глаза.

— Уйди, Кейн.

Я встаю. Иду к двери. На пороге оборачиваюсь.

— Спокойной ночи, атман.

— Иди в жопу.

Я улыбаюсь и закрываю дверь.

Наверху я сажусь перед монитором. Она не вставала — смотрит в потолок. Ее правая рука свешивается с кровати, пальцы касаются пола. Рядом — уголок черной коробки.

¹ Экстремистская организация, запрещенная в РФ

Я смотрю, как она медленно, очень медленно, тянется к коробке. Вытаскивает ее и открывает, потом достает вибратор, держит в руке.

Потом он смотрит прямо в камеру.

— Не смотри, — говорит она. — Отвернись. Или я больше никогда не скажу тебе ни слова.

Я отвожу глаза. Отключаю звук. Выключаю экран. Сажусь в темноте кабинета, смотрю в стену и слушаю, как бьется сердце. Она права. Я не должен смотреть. Это — ее момент. Ее тело. Ее выбор.

Но она не запрещала мне думать. И я представляю, будто сквозь стены, сквозь бетон, сквозь звукоизоляцию — я слышу, как она дышит. Чаше. Глубже. И когда в этой фантазии до меня доходит тихий, сдавленный стон, я зажмуриваюсь и сжимаю подлокотники кресла.

— Атман, — шепчу я в пустоту. — Ты даже не представляешь, как я тебя люблю.

Глава 9. Лотос

Я просыпаюсь и первым делом ненавижу себя.

Это давно стало моим ритуалом, еще до попадания в плен Кейна, — открыть глаза, вспомнить что-то, и тут же ощутить, как все внутри сжимается от стыда. Я воспользовалась его «подарком». Я попросила его не смотреть. Но это не означает, что он сделал это. Он наверняка все видел, жадно глядел в монитор, улавливая каждое мое движение.

Господи, Ви, ты совсем без мозгов?

Сажусь на кровати, тру лицо ладонями. В комнате все тот же ровный свет — здесь никогда не темнеет, никогда не светает. Только эта гребаная лампа, которая горит вечно.

Я иду в душ и пытаюсь вспомнить вчерашнее без содрогания.

Он пришел с секс-игрушкой, черт его дери. Кто вообще дарит такое женщине, которую держит в подвале? Только человек с полностью сдвинутой картиной мира. Или...

Или тот, кто действительно пытается причинить мне добро. Я злюсь на него за это, и злюсь на себя за то, что меня трогает эта извращенная забота.

Я выхожу из душа и смотрю на себя в зеркало. Под глазами тени, но взгляд уже не затравленный. Скорее — задумчивый.

— Ты влипла, Ви, — говорю я своему отражению. — Ты реально влипла.

Отражение молчит. Оно согласно.

День тянется бесконечно.

Я пробую писать — открываю ноутбук, смотрю на пустой лист. Пальцы висят над клавиатурой. О чем писать? О женщине, которую похитили? Слишком предсказуемо. О странном парне, который влюбился так, что у него съехала крыша? Слишком страшно. Закрываю ноутбук и беру книгу — «Осиную фабрику», читаю ее в сотый раз. Фрэнк на своем острове, один, сходит с ума от одиночества. Он придумывает миры, потому что реальность невыносима.

Я думаю: а кто здесь Фрэнк? Он или я?

Мы оба. Мы двое на острове, который он построил.

Я захлопываю книгу. Кладу на стол. Встаю, прохожусь по комнате — пять больших шагов в одну сторону, пять в другую. Клетка. Красивая, уютная, с теплым полом, но клетка.

В углу стола — засохшие ромашки. Я не выбросила их. Почему? Потому что мне нравится смотреть на что-то мертвое? Или потому, что это единственное, что он дал мне нормального, и я боюсь, что, если выброшу цветы, он принесет что-то похуже?

— Ты сентиментальная дура, — говорю я себе. — Он похитил тебя. Он не заслуживает, чтобы ты хранила его цветы.

Но я все равно не несу их в мусорное ведро.

Проходит час. Другой. Я не знаю, сколько именно, и ориентируюсь только на внутренние ощущения — циферблат на ноутбуке показывает ахинею, которая никогда не совпадает с «завтраками» и «ужинами», которые приносит Кейн, и мне даже кажется, что он специально переустановил их. Я могла бы попросить у него часы или чтобы он перенастроил мой компьютер, но я не хочу ничего просить. Каждая просьба — это уступка, за которую я могу дорого заплатить.

Я сажусь на пол, прислоняюсь спиной к полке с книгами. Закрываю глаза. Пытаюсь медитировать — технике меня учили в клинике, после того как я вышла. Дыши, считай, отпусти.

Не работает.

Потому что в голове — он. Его голос, когда он говорил: «Ты не выбросишь это. Потому что тебе интересно».

Черт бы его побрал. Он прав. Мне все всегда интересно. И теперь мне интересно, что будет дальше. Каким он придет сегодня? С подносом какой-нибудь странной еды? С плеткой и наручниками?

Я тру лицо руками. Стоп. Хватит. Не думай о нем. Думай о побеге.

Побег. Хорошая тема. Как я могу сбежать? Дверь заперта. Кейн открывает ее ключом — я слышу щелчок каждый раз. Ключ у него. Значит, нужно либо отобрать ключ, либо дожидаться, пока он забудет запереть.

Но он не забывает, ведь он перфекционист, который расставляет книги по алфавиту и гладит мои толстовки.

Вариант два: взломать дверь. Чем? У меня нет ничего, кроме пластиковых приборов. Даже если бы были — дверь массивная, а я слишком слабая.

Вариант три: напасть на него, когда он войдет. Ударить чем-то тяжелым. Например, ноутбуком. Или толстой книгой. А потом? Он выше, сильнее, быстрее. Я попаду в могилу, если не убью его. А если убью — в тюрьму. Ирония: похититель, которого убивает жертва, и жертва, которая получает срок.

Я открываю глаза. Смотрю на камеру в углу.

— Ты слышишь? — говорю я. — Я думаю о том, как тебя убить.

Камера молчит. Никакой реакции. Конечно. Он, наверное, на работе. Сидит в своей рубашечке, улыбается коллегам, а потом украдкой смотрит в телефон, проверяя, что я делаю. Может, он сейчас в туалете, смотрит на меня через приложение, и его член стоит от того, что я сижу на полу в растянутой футболке без лифчика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.